МУЗЫКА НА СТРАНИЦАХ
ПЕРИФЕРИЙНОЙ ПЕЧАТИ

«Кареолан»

Музыка в Советской стране — одно из самых любимых и массовых искусств. Можно смело утверждать, что миллионы советских людей — и, конечно, не только музыкантов-профессионалов, но и бесчисленных любителей — живо интересуются музыкой, желают быть в курсе всей музыкальной жизни страны. В этих условиях вопрос о хорошей рецензии по поводу концерта или оперного спектакля, о грамотной, культурной популярной статье по музыке в общей прессе приобретает весьма большое и серьезное значение.

Но статьи о музыке пока еще не частый гость на газетной полосе. А если по какому-либо неотложному поводу такая статья и появляется, она зачастую пишется малоквалифицированным автором, насхек, халтурно. Редакция в подобных случаях оправдывается обычно тем, что где пишущих о музыке людей найти трудно. Это неверно. Правда, кадры наших профессиональных критиков и музыковедов немногочисленны. Но в каждом городе есть немало специалистов музыкантов — преподавателей *музыкальных школ, исполнителей, иногда композиторов, которых газета могла бы использовать в качестве авторов музыкальных статей. Надо только уметь привлечь таких людей к газете, заинтересовать, помочь им, заставить их поучиться умению хорошо излагать свои мысли. К сожалению, редакции периферийных газет редко имеют таких людей в своем активе, не уделяют им должного внимания и вообще мало заботятся о своих музыкальных отделах.

*

Недавно исполнилось 170 лет со дня рождения Бетховена. По этому поводу не только центральная пресса, но и ряд периферийных газет дали статьи, посвященные великому музыканту. Самый факт этот чрезвычайно отраден, тем более, что некоторые газеты расценились и уделили этой теме целые подвалы, дали портрет композитора и т. п. Некоторые из этих статей вполне хороши, литературно и музыкально вполне грамотны. Вот, например, преподавательница Челябинского музыкального училища Л. Розина в «Челябинском рабочем» просто и толково излагает в начале своей статьи биографию Бетховена, затем переходит к его творчеству, подробно и хорошо рассказывает о его симфониях, об общественных и политических взглядах композитора, приводит известные слова Ленина об «Аппассионате», недавно опубликованные высказывания Энгельса о пятой и «Героической» симфониях.

В целом неплохие статьи напечатаны также в «Удмуртской правде» (статья И. Галкина), в «Казахстанской правде» (статья Д. Приянишникова), в «Уральском рабочем» (статья С. Рубина).

Однако даже эти в общем грамотные статьи порою грешат поверхностностью, неряшливостью формулировок, «красотами штиля», например, как у Приянишникова: «Прокрустово ложе» феодального и капиталистического общества сковывало грандиозный размах идей и образов», «разговорные диалоги усиливали драматическую напряженность», «железная воля победила смятения», «Героическая симфония» стала «знаменем внутренней победы воли и разума над отчаянием», «он овладел методом познания философских и исторических наук...». У Галкина: «композитора постигло величайшее несчастье, какое только мыслимо для музыканта, человека, живущего слухом» (?).

Опечаток, опусков, неверных сведений много почти во всех опубликованных статьях о Бетховене. В одной сообщается, что у Бетховена... 27 квартетов и 39 трио («Дагестанская правда»), в другой — князь Лихновский почему-то именуется Лукновским, а об отце Бетховена пишется, что он «узрял в Людвиге опору семьи» (свердловская газета «На смену»); в третьей, явно из-за небрежного сокращения статьи, выходит, что Бетховен познакомился с Моцартом в 1792 году, хотя известно, что Моцарт умер в 1791 г. («Омская правда»); в четвертой (пензенская газета «Сталинское знамя») кривизна цикла «К далекой возлюбленной» Бетховену приписали еще также и «Бессмертную возлюбленную», хотя известно, что такой музыки у Бетховена нет.

Чтобы писать о Бетховене, нужно знать и понимать музыку, серьезно изучить и бетховенское творчество и эпоху, в которую он писал. К сожалению, далеко не все, кто в дни бетховенского юбилея брался за перо, отвечали этим требованиям. Много статей написано с кондачка: автор, предварительно перелистав какую-либо популярную книжонку о Бетховене, с лихвой восполнил отсутствие общеисторических знаний и понимания музыки «красочными», высоким поэтическим стилем, громкими эпитетами. «Что музыкант в те времена? — слуга владыки-феодала», тайна покрыла разрыв отношения между Терезой и Людвигом, они расстались, но до самой смерти сохранили в себе любовь», «Бетховен... нашел в себе силы... воспеть свою любовь, свою каждую жизнь во второй симфонии»; «промежуточная (?) четвертая симфония отравила еще один чертберк личного счастья»; «и вдруг — с каждым годом прогрессирующая неизлечимая глухота» (если вдруг — то не с каждым годом, если с каждым годом, то значит — не вдруг); «к 1816 г. Бетховена постигает полная глухота, в музыкальной жизни воцаряется Россия», — все это цитаты из одной статьи Юрия Ткаченко в «Большевистском знамени» (Одесса). «Сам Бетховен говорит, что музыка должна высекается из мужской (не из мужской, а из мужественной! — М. С.) души огнем», в двух первых симфониях «нет еще особой глубины содержания», — откуда взял эти сведения пишущий в «Курской правде» преподаватель музыкального училища А. Гривцев?

В порыве красноречия и неумеренных восторгов некоторые авторы делают Бетховена законченным революционером, чуть ли не марксистом: «в этой борьбе французской революционной буржуазии против отечественной феодальной аристократии Бетховен справедливо видел только начало пути, по которому должно устроиться человечество», — пишет А. Улеинов в «Южной правде» (Николаев). «Тщетно, — продолжает автор, — пытались бы мы отыскать в его творчестве бытие крупную националистическую настроений. Бетховен прежде всего гениальный художник-композитор, творчество которого принадлежит всему миру». Все это — принадлежат чепуха, ибо Бетховен был отнюдь не космополитом, а национальным немецким композитором, что не помешало его творчеству действительно стать достоянием всего передового человечества.

Дилетантское всезнайство, выпренность изложения нередко соседствуют с нарочитым и скверным «популярничаньем». Э. Сошина, заведующая музыкальным сектором ДХВД, пишет в челябинской «Сталинской смене»: «Многим кажется страшным, что Бетховен, будучи глухим,

мог сочинять. Дело в том, что композитор, задумав музыкальное произведение, записывает сразу на бумаге свои музыкальные мысли, а затем уже проверяет их на инструменте, но не наоборот, как это думают многие», — это уже совершеннейший вздор. В таком же стиле написаны статьи Н. Саконой в куйбышевской пионерской газете «Будь готов», «Наш календарь» в хабаровском «Знамени пионера» и др.

Когда читаешь некоторые из юбилейных статей о Бетховене, невольно возникает вопрос: не писала ли их та полуанекдотическая консерваторка, которая на вопрос, сколько симфоний написал Бетховен, бойко отвечала: «три: третью, пятую и девятую». О других она, увы, не слыхала. Автор же большой анонимной статьи в «Сталинской молодежи» (Минск) ничего не слыхал, очевидно, и о пятой симфонии Бетховена. У него сказано прямо: «В 1802 году Бетховен начинает писать свою третью симфонию... за «Героической симфонией» следует опера «Фиделио»... Затем сообщается об обручении Бетховена с Терезой Брунsvик («причина, помешавшая их браку, неизвестна»), и далее, через два абзаца: «наступает последний и самый тяжелый период жизни... и в эти-то годы Бетховен... создает величайшее свое творение, бессмертную девятую симфонию». Куда запропастились другие симфонии, покрыты мраком неизвестности. В этой же статье сообщается еще более удивительные вещи: «Он освободил симфонизм от цепей салонности и прикладной (дворцовой, культовой, театральной) роли... Он открыл перед музыкальной формой горизонты настолько далекие, что они позволили отныне связывать музыку с величайшим интеллектуальным завоеванием человечества». Что же касается республиканских идей, охвативших Европу, то «они овладели сердцем Бетховена и остались там навсегда»!!

Еще более прям и откровенен Н. Марценко в газете «Дагестанская правда» (Махач-Кала). Статья его по вопиющей безграмотности побивает все рекорды. Однако предоставим слово самому Марценко. Вот что он пишет: «Время, когда начал свою творческую жизнь Бетховен, в высшей степени своеобразное. Характерными чертами того времени были интимность, мечтательность и сентиментальность... От внешнего мира, от реальности жизни, от городского уличного шума и пошлости интеллигенция укрывается в тихие уголки маленьких комнат, обитые мягкой материей, обставленные мягкой мебелью с миниатюрами на комодах и фарфоровыми статуэтками на этажерках. Художники того времени изобрели пастель — краски, которые были недолговечны и быстро осыпались... Кавалеры и дамы в париках ведут кокетливую и приятную беседу под звуки музыки и шопот ночной тишины... Даже симфоническая музыка носила тогда камерный характер. И симфония Гайдна, и менуэт Рамо, и сентиментальные стихи о пастухах и пастушках, — все это вместе взятое и переплетенное составляет искусство рококо — типичное искусство XVIII века».

«Но вот история переворачивает страницу и сегодняшнее становится вчерашним... Внезапно оборвалась греза века... Завязало лезвие гильотины, загрохотали тысячи пушек Наполеона, окончилась пастораль, забыт был менуэт, осыпалась пастель... прервался (так и сказано — прервался! — М. С.) XVIII век и наступил новый, девятнадцатый...». Бетховен «отразил новую жизнь, внес в музыку демократический дух. Если мне весело, говорит Бетховен, то почему не сказать об этом. Почему я не могу прыгать, лавать по деревьям, почему свою веселость я должен скрывать менуэтами... А если меня постигло великое горе, то могу же я зарыдать и короткое время рвать на себе волосы и биться головой об стенку, чтобы потом, схватив судьбу за горло, мощным ударом своего кулака свалить ее на землю, победить ее и воспрянуть к жизни вновь... (Так «интерпретирует» наш автор некоторые высказывания Бетховена). Надо, чтобы музыка... раздавалась не только в богатых и знатных домах, но везде и всюду, чтоб ее мог слышать всякий и каждый, ибо все люди братья!».

«Пятая (симфония — М. С.) говорит: «Хватай судьбу за горло, иначе она тебя схватит, а ты швырни ее вон и торжествуй...». Об опере «Фиделио» Марценко пишет, что у Бетховена есть «одна опера «Фиделио» и к ней три увертюры: Леонора, Кареолан (орфография подлинника. — М. С.) и Эгмонт».

Кончает Марценко статью так: «Бетховен стоял на грани нового музыкального века. Он открыл новую эру музыкального просвещения и в этом веке уже чувствуется широкое раздолье всечеловеческого братства, того братства, которое начертало на знамени: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Комментировать или как-либо опровергать подобную «статью» нет ни необходимости, ни возможности. Совершенно непонятно, как преподаватель музыкального училища (а Н. Марценко — преподаватель Дагестанского музыкального училища) может нести такой несусветный вздор. И далее. Как статья его увидела свет? Редактор «Дагестанской правды» может не разбираться в «музыкальных тонкостях» (хотя какие уж это тонкости — Кареолан с Эгмонтом и симфония Гайдна, переплетенная с менуэтом Рамо!). Но ведь в статье написана дикая чушь не только музыкальная.

За последние месяцы на страницах периферийных газет появился ряд неплохих материалов о музыке. Широко была отражена декада советской музыки и эстрады. Довольно регулярно освещаются премьеры в музыкальных театрах, работа местных инструментальных, певческих и хореографических коллективов. Перед началом зимнего концертного сезона некоторые газеты напечатали перспективные статьи директоров и художественных руководителей филармоний и, не ограничившись этим, продолжают следить за развитием музыкальной жизни на местах.

Все это говорит о растущем интересе периферийной печати к вопросам музыкального искусства. В общем улучшается и качество таких материалов. Мы уже указывали, что и среди статей, посвященных бетховенскому юбилею, были заслуживавшие положительной оценки.

Статья Марценко по-исколу уникальна. Она представляет собой исследование и никак не типична. Но самая возможность появления такой статьи неопровержимо свидетельствует о том, что дело печатной информации и освещения в общей прессе вопросов музыкального искусства налажено пока слабо и нуждается в серьезном улучшении.

М. СОКОЛЬСКИЙ